

УВЕРТЮРА БРАТОУБИЙСТВА (72-й пехотный Тульский полк после Февраля 1917 г.)

КУЗНЕЦОВ Олег Юрьевич – аспирант Курского государственного педагогического университета

Гражданская война, являясь крайней формой социального антагонизма в обществе, должна отвечать и одной из общих главных характеристик вооруженного противостояния: основным, если не единственным, методом разрешения конфликта остается применение организованной военной силы каждой его стороны по отношению к своему противнику. Она тем и отличается от всех других форм внутривнутриполитического раскола, что главными действующими силами выступают ни партии с их фракциями и союзами, а воюющие армии, одна из которых в конечном итоге должна быть уничтожена (именно этим гражданские войны отличаются от межгосударственных). Социально-идеологические различия в этом случае уже не имеют принципиального значения. Вооруженная борьба двух, разделенных линией фронта, сил внутри одной страны является основным содержанием гражданской войны, что предопределяет ее крайнюю ожесточенность.

В гражданской войне армия имеет принципиально иное содержание, чем в войне между государствами, она одновременно является объектом и субъектом противостояния, олицетворяя собой и государственное начало, так как каждый политический режим имеет власть только на территории, контролируемой его армией. Это позволяет сделать вывод о том, что гражданская война начинается с появлением двух вооруженных сил внутри одной страны, ведущих между собой боевые действия. Такой подход позволяет по-иному взглянуть на проблему датировки начала в России гражданской войны: ее возникновение, на наш взгляд, следует относить ни к октябрю 1917, ни к лету 1918, а к январю 1918 года, когда Добровольческая армия ушла с Дона в свой 1-й Кубанский (Ледяной) поход.

Однако темой нашего исследования являются события и процессы, приведшие к появлению в России двух враждующих военно-политических полюсов – вооруженных сил «красных» и «белых». Проблема политического размежевания военнослужащих на фронте в 1917 – начале 1918 гг. никогда не была предметом научного исследования, заменяясь в советской историографии надуманными вопросами рассмотрения антагонизма между Временным правительством и Действующей армией, а также отображением симпатий последней к большевистской партии. Этот вопрос мы рассмотрим на примере типичной для Русской армии пехотной части, находившейся всю Первую мировую войну в окопах, – 72-го пехотного Тульского полка. Такой подход

позволит на уровне низшей тактической единицы вооруженных сил того времени рассмотреть проблему разложения старой армии и формирования на ее основе двух противоборствующих сил Гражданской войны.

2 марта 1917 года император Николай II подписал акт отречения от престола. В нем говорилось: «В дни борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжелое испытание. Начавшиеся народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца»¹. Таким образом, последний легитимный главнокомандующий русской армии заставил ее подчиниться новой власти. Последовавшие за этим династические события (отречение Великого Князя Михаила Александровича от престола и его манифест о созыве Учредительного собрания, приказ Великого Князя Николая Николаевича о признании Временного правительства) оставили на несколько дней армию в условиях войны без единого руководства.

Что в действительности происходило на фронте в это время, сегодня не представляется возможным, материалы тех тревожных дней не отложились в архивах. Косвенное представление можно составить, например, по приказу № 80 по полкам 18-й пехотной дивизии, отданному генерал-лейтенантом Белолипецким 30 марта 1917 года: «В армии все последние дни повторяются случаи ареста солдатами офицеров как подозреваемых в приверженности старому режиму... Подобное самоуправство в свободной стране и народной армии, перестраивающих свой строй на правовом основании, совершенно недопустимо. Оно подрывает в корне уважение к офицерам и дисциплину и лишает офицеров прав неприкосновенности личности, которые в свободной стране должны принадлежать всем без исключения гражданам»².

Чтобы как-то прекратить избиение офицерского корпуса, генерал Белолипецкий вводил процедуру ареста офицера: «Арест офицера может быть произведен не иначе как по приказу законной власти, которой является строевое начальство, и лишь после проверки правильности предъявленного обвинения... По доставлении офицера в штаб он должен быть помещен в отдельную комнату при штабе, около которой должен быть выставлен караул...». Приказ констатировал разгул на фронте новой «демократической» власти: «В случае возникновения среди солдат и офицеров резкого недовольства командиром роты или младшим офицером, выборный ротный комитет, если он признает недовольствие через одного из своих депутатов, должен немедленно доложить о сем непосредственно командиру полка. Ко-

мандир полка делает спешное распоряжение о вызове к нему названного офицера и, если нужно, посылает за ним полкового адъютанта или кого-нибудь из офицеров штаба для сопровождения его в штаб полка и принятия мер для ограждения офицера от оскорблений»³.

Основными проводниками политики Временного правительства по демократизации Действующей армии стали Комитеты офицерских и солдатских депутатов. В 72-м пехотном Тульском полку он был создан уже 13 марта, а 15 числа состоялось его первое заседание, что было бы совершенно невозможно при противодействии командования. Его состав формировался таким образом: офицеры полка командировали в Комитет 5 представителей, нижние чины каждой роты или отдельной команды делегировали 1 человека. Всего Комитет офицерских и солдатских депутатов насчитывал 28 членов (5 офицеров и 23 нижних чина). Его председателем был избран штабс-капитан Горбунов, командир 2-го батальона, один из самых уважаемых командиров, товарищем (заместителем председателя) стал старший писарь штаба унтер-офицер Петрович, секретарем – адъютант полка подпоручик Бовин⁴.

Кадровое довоенное офицерство крайне негативно отнеслось к этому нововведению, но поскольку из 108 офицеров полка их было лишь 7 человек, то вряд ли к их мнению прислушивались. В состав Комитета вошли молодые офицеры военного времени (типичным примером является судьба прапорщика Василия Иванова, поступившего в полк из запасных войск 13 апреля, а уже 7 мая избранного в Комитет солдатских и офицерских депутатов XIV армейского корпуса). Что же касается нижних чинов, то в первый состав полкового Комитета от них вошли действительно пользующиеся авторитетом в своих подразделениях военнослужащие. Их лидером стал подпрапорщик Андрияш, полный георгиевский кавалер, произведенный в августе 1917 года за боевые отличия в прапорщики армейской пехоты⁵.

Первой заседание полкового Комитета офицерских и солдатских депутатов состоялось 15 марта. Наряду с конъюнктурными вопросами (отправка приветственных телеграмм Временному правительству и Комитету депутатов Северного фронта) рассматривались и насущные проблемы жизни полка: контроль за качеством пищи, устройство бани, улучшение телефонной связи между подразделениями, обеспечение фельдшерской помощи «при боевой и позиционной обстановке»⁶.

Решения заседаний Комитета депутатов подавались на рассмотрение командира полка, который объявлял их своим приказом. В первые месяцы существования Комитет находился в тесном взаимодействии со строевым начальством, помогая ему решать многие хозяйственные вопросы. Например, решение заседания 19 апреля гласило: «Установить как можно скорее телефонную связь между отдельными

ротами и приданными полку артиллерийскими батареями, чтобы артиллерия открывала огонь по сигналу ротного командира». Или: «Приобрести как можно скорее за счет артельных сумм патроны к револьверам Нагана, которыми вооружены бомбометчики»⁷.

Уже в мае 1917 г. либерализация армии стала давать свои негативные плоды. Ротные комитеты получили права строевого начальства во всех сферах, не касающихся боевой деятельности. Функции командира роты фактически были сведены к руководству подразделением в бою. Комитеты получили право увольнять в краткосрочные отпуска из расположения части нижних чинов, квота отпускников была определена в 12 процентов от численности полка (на практике это приводило к тому, что в полку отсутствовала фактически одна строевая рота). С середины мая в приказах по полку отдельные нижние чины стали объявляться «числящимися в бегах» т.е. не возвратившимися из этих кратковременных отпусков (к 1918 г. число дезертиров достигло 200 человек, что ослабило боеспособность полка еще на одну строевую роту)⁸.

Единственной крупной боевой операцией для 72-го пехотного Тульского полка после Февраля 1917 г. стал штурм 8-10 июля германских укрепленных позиций в деревне Пешкелишки на Усть-Двинском плацдарме. В ходе трехдневных боев тульцам удалось взломать 5-километровую оборону противника и выполнить возложенную на них боевую задачу. Успех атаки во многом определили действия 6-й роты под командованием подпоручика Б.И. Мухачева. Пользуясь складками местности, не дожидаясь окончания артиллерийской подготовки ее чины подошли вплотную к германским передовым окопам, и, как только огонь артиллерии был перенесен вглубь вражеских позиций, ворвались в них. При этом подпоручик Мухачев был смертельно ранен. Постановление Георгиевской Думы Северного фронта о присвоении ему посмертно ордена Св. Георгия 4-й степени так описывало его подвиг: «В бою 8-10 июля подпоручик Мухачев Борис Иванович, командуя 6-й ротой 72-го пехотного Тульского полка, под неприятельским огнем первым ворвался в окопы противника и, подавая пример высокой доблести и мужества, увлек за собой свою роту, овладевшую укреплениями противника. Сраженный пулей, уже слабеющим голосом продолжал ободрять солдат до кончины своей, которой и запечатлел содеянный им подвиг»⁹.

Героическая смерть Б.И. Мухачева на некоторое время приостановила развал полка. Более того, его 6-я рота, а вслед за ней 1-я и весь 2-й батальон пожелали стать «ударными частями смерти», т.е. их военнослужащие на митингах обязались не покидать окопов ни при каких условиях и продолжать вести войну до победного конца. Насколько известно, «смертники» свое слово сдержали, даже после того

как 15 декабря уже новая большевистская власть постановила расформировать «ударные части смерти» эти подразделения Тульского полка продолжали стойко удерживать свои участки обороны¹⁰.

Победа тульцев под Пешкелишками оказалась всего лишь частным успехом в июльском наступлении Северного фронта в 1917 г. Другие его части или не смогли выполнить поставленную перед ними задачу, или вообще отказались переходить в наступление (например, XIX армейский корпус 5-й армии). Русское командование по достоинству оценило успех 72-го пехотного Тульского полка: все офицеры, принимавшие участие в штурмовой атаке были награждены орденами, 3 подпрапорщика и унтер-офицера 1 августа были произведены в прапорщики, на особо отличившихся нижних чинов в полк было пожаловано 145 Георгиевских крестов и 580 Георгиевских медалей, фактически георгиевской наградой был отмечен каждый шестой тулец¹¹.

Причина успеха под Пешкелишками заключалась в особой спаянности всех чинов полка, высоком авторитете офицеров, наличием давних боевых традиций и корпоративной солидарности – всего того, что отрицалось новой демократической властью. Можно сделать вывод о том, что эта победа была одержана не благодаря, а вопреки проводимой Временным правительством политике либерализации армии. Не малую роль в деле развала Русской армии сыграло решение Временного правительства о разрешении увольнять с передовой нижних чинов в краткосрочные отпуска с оружием, принятое сразу же после ликвидации так называемого «Корниловского мятежа» в августе 1917 г. Фактически ближайšie к фронту тылы оказались зоной разгула бандитизма, с которым уже не могли справиться военно-полицейские команды и комендантские роты. Снабжение армии на передовой оказалось под угрозой, а демократическая власть не могла навести порядок¹².

72-й пехотный Тульский полк, несмотря на все старания деморализовать кадровую Русскую Армию, был одной из немногих частей Северного фронта, сохранивших до последнего верность присяге и дравшихся с германскими войсками даже после переворота 25 октября 1917 года. Об этом свидетельствует приказ № 854 Главнокомандующего армиями Северного фронта генерала от инфантерии Черемисова от 30 октября 1917 года о производстве младшего унтер-офицера тульца Н.М. Константинова «за отличия в боях против неприятеля» в чин прапорщика армейской пехоты¹³.

Огромную роль в сохранении боеспособности полка играл Георгиевский комитет – объединение нижних чинов, являвшихся кавалерами Знака отличия Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия (солдатских георгиевских крестов). Решение о создании таких кавалерских объединений в полках было принято 12 авгу-

ста 1917 года, их главным назначением считалось представление к солдатским Георгиевским наградам отличившихся на поле боя нижних чинов¹⁴. Тогда же началось неофициальное формирование в ротах особых взводов, целиком составленных Георгиевских кавалеров. Они были теми ядрами кристаллизации, вокруг которых объединялись честные и верные присяге военнослужащие. Георгиевский комитет в Тульском полку появился не позднее 1 сентября 1917 года и стал противовесом демократическому Комитету офицерских и солдатских депутатов (даже большевики, отменившие ношение русских наград не решились отметить Георгиевские кресты). Его председателем являлся штабс-капитан Букреев, награжденный орденом Св.Георгия 4-й степени в 1915 г. и Георгиевским оружием "за храбрость" осенью 1916 г.¹⁵ К сожалению, Георгиевский комитет появился в полку слишком поздно и не смог остановить развала полка.

Последний удар по существованию 72-го пехотного Тульского полка нанесла политика большевиков, взявших курс «на перерастание войны империалистической в войну гражданскую». До тульцев большевистские нововведения докатились 13 декабря, когда в полку произошли выборы командира полка и его заместителя по хозяйственной части: первым при большевиках и последним в истории полка командиром стал бывший штабс-капитан И.Я. Бовин, его заместителем – бывший зауряд-военный чиновник Р.М. Ауэрберг. В тот же день новым председателем Совета солдатских депутатов (деление на офицеров и нижних чинов было упразднено, все военнослужащие стали именоваться революционными солдатами Российской федеральной армии) был избран бывший полковой ветеринар Ш.С. Файнзон¹⁶.

15 декабря произошли выборы командиров строевых подразделений. Несмотря на всю революционность, солдаты оставили на своих постах практически всех офицеров, некоторые из них перешли из одного подразделения в другое¹⁷.

16 декабря в полк поступила телеграмма нового красного Верховного Главнокомандующего прапорщика Н.В. Крыленко, определяющая порядок братания с германцами на Северном фронте. Полагалось из каждой роты ежедневно выделять взвод для братания, о чем объявлять приказом по полку. К чести тульцев надо отметить, что ни в одном сохранившемся приказе вплоть до 31 января 1918 г. не найдено распоряжений такого содержания¹⁸.

Развалу полка в немалой степени способствовал процесс формирования национальных частей для армий государств-лимитрофов, возникших впоследствии на национальных окраинах бывшей Российской империи. Он начался еще в недрах Российской Императорской армии созданием в 1914 г. польского Пулавского легиона, 1916 г. – двух дивизий латышских стрелков и отдельной эстонской Ревельской

сводной бригады. При Временном правительстве этот процесс получил дальнейшее развитие – стали появляться украинские, башкирские и иные национальные формирования. В их рядах оказалось большое количество тульцев. Еще в сентябре 1917 г. из Тульского полка перевелся во 2-й Ревельский конный полк в пулеметный эскадрон поручик Р.Я. Эккерт, в октябре в 4-й польский стрелковый полк перешел поручик А.Г. Вронский¹⁹. Однако самый массовый отток из полка произошел 28 декабря 1917 года, когда 27 офицеров и 436 нижних чинов полка, уроженцев Украины, стали ядром формировавшегося под Псковом 18-го Украинского стрелкового полка войск Центральной Рады (его командиром был назначен подполковник 72-го пехотного Тульского полка К.М. Аккер)²⁰.

Из-за массового дезертирства нижних чинов, увольнения в отпуски и в связи с переходом большого количества тульцев в национальные военные формирования государств-лимитрофов уже к началу 1918 г. Тульский полк не представлял серьезную военную силу.

Все приведенные выше факты позволяют сделать вывод о том, что не приход большевиков к власти, а именно Февраль 1917 г. стал отправной точкой втягивания России в гражданскую войну. Вся политика Временного правительства, направленная на либерализацию армии, в действительности имела своими последствиями раскол внутри воинских коллективов, и в первую очередь, не по сословным (на офицеров и солдатскую массу), а по морально-психологическим признакам (на тех, кто считал для себя не возможным нарушить присягу и бросить окопы во время войны, и тех, кто считал это возможным). Размежевание произошло не в социально-имущественной, а в нравственной плоскости – на верных сынов России и ее предателей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Денисов С.В. Белая Россия. – Нью-Йорк, 1937.– Ч. 1.– С. 8.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 2686. Оп. 1. Д. 192. – Л. 304.
3. Там же.
4. РГВИА. – Ф. 2686. Оп. 1. Д. 193. – Л. 1-14 об.
5. РГВИА. – Ф. 2686. Оп. 1. Д. 194. – Л. 315.
6. Там же.
7. Там же. – Л. 324.
8. Подсчитано: РГВИА. – Ф. 2686. Оп. 1. Д. 191-196.
9. Там же. – Д. 196.– Л. 1, 4, 11-13, 46.
10. Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего.– 1917, 17 июня. – № 611; РГВИА. – Ф. 2686. Оп. 1. Д. 194. – Л. 37.
11. Там же. – Д. 190.– Л. 94-96.

12. Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего. – 1917, 13 сентября. – № 813.
13. Приказ главнокомандующего армиями Северного фронта. – 1917, 30 октября. – № 815.
14. Цейхгауз. – М., 1995. – № 4. – С. 28-29.
15. РГВИА. – Ф. 2686. Оп. 1. Д. 193. – Л. 11.
16. Там же. – Д. 198. – Л. 8-9 об.
17. Там же. – Л. 11-19.
18. Там же. – Л. 21 об.
19. Там же. – Л. 13, 189.
20. Подсчитано: Там же. – Д. 196.